

PHẦN III:
ĐẤT NƯỚC VÀ CON NGƯỜI

ЧАСТЬ III: СТРАНА И ЛЮДИ

**ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА
В РАССКАЗЕ НИКОЛАЯ АГАФОНОВА
«МЫ ОЧЕНЬ ДРУГ ДРУГУ НУЖНЫ»**

*Леонов И.С. – канд. филол. н-к, доцент,
заместитель декана филологического
факультета Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина*

Николай Викторович Агафонов – современный российский писатель и православный священнослужитель. Его творчество занимает важное место в литературе сегодняшнего дня и вносит вклад в формирование и развитие такого культурного явления, как православная художественная проза.

Расцвет религиозной художественной литературы постсоветской эпохи приходится на 2000-е годы, период, когда не только ушел в прошлое гнет атеистической идеологии, но у многих людей пробудился живой интерес к духовным проблемам, а также национальной культуре и традициям. Более того, церковь также стала искать путь к современному человеку, для которого в силу воспитания не всегда изначально оказываются доступными азы религиозного учения. В этом смысле литература выполняет функцию «моста», то есть связывается светского современного человека с мировоззренческим и метафизическим христианским наследием.

Размышляя о творчестве православных писателей, современный российский журналист Виталий Каплан замечает: «Да, они очень по-разному пишут, и в плане художественного инструментария, и в жанровом отношении (чаще — реализм, реже сказка и фантастика), но фокус их внимания сосредоточен примерно на одном и том же — на современном человеке в его отношениях с Богом» [2].

Следует отметить, что большинство произведений исследуемого круга основаны на вымышленном сюжете, в них фигурируют придуманные автором персонажи. Это позволяет ей выйти за пределы проповеди или поучения и выполнять одновременно две функции: назидательную и художественную. Однако в любом случае здесь раскрываются глубинные философские и психологические проблемы, одна из которых — это проблема нравственного выбора человека.

===== 134

Проиллюстрировать это можно на примере рассказа Н.В. Агафонова с символичным названием «Мы очень друг другу нужны». В произведении представлены два главных героя – молодая вдова Елизавета Пестова и пожилой священник отец Всеволод. Каждый из них переживает процесс духовной эволюции, который раскрывается в русле модели *грех – покаяние*, где под «грехом» понимаются возникающие в душах персонажей сомнения в милосердии Божиим, Его Промысле, а источником этих сомнений становятся тяжелейшие жизненные испытания, выпавшие на долю персонажей.

После смерти на фронте мужа Елизавета приходит в состояние отчаяния, внутреннего охлаждения и опустошения. «С гибелью Александра в душе Лизы поселилась какая-то холодная пустота, теплилась там только обида на Бога за Сашу. В церковь ходить перестала» [1, с.98]. Эмоционально ярко показан внутренний протест Лизы в момент ее молитвы перед иконой святого покровителя мужа Александра Невского: «Святой Александр, мой Саша с тобой?». Ответа она не услышала. – Молчишь, – с горечью вымолвила Лиза, – а что мне делать?» [1, с.91]. В этот момент вырывается наружу протест Лизы, направленный по отношению к Богу, следствием чего становится возникшее чувство одиночества, духовного вакуума, в который погружается героиня.

Параллельно с образом молодой вдовы изображается священник Всеволод, также находящийся в состоянии внутреннего конфликта, который наглядно подчеркивается с помощью портретной характеристики. Прежний величественный, на первый взгляд, отрешенный от мирских дел вид священнослужителя кардинально меняется в тот момент, как только Лиза рассказывает ему о своем несчастье. «Лицо священника, передернувшись, искривилось, отчего на нем изобразилась некрасивая гримаса. Нижняя губа вытянулась и завернулась к подбородку. Точь-в-точь как у ребенка, собирающегося расплакаться» [1, с.92]. До такого состояния отца Всеволода доводит война: под развалинами взорванного немцами дома погибла его дочь. Однако не только война становится причиной отчаянного положения героя. Его сын, Владимир, офицер Красной армии вынужден был отказаться от отца, чтобы родственные узы не воспрепятствовали его карьерному росту. Таким образом, отец Всеволод на первых страницах романа, также как и Лиза, показан одиноким и опустошенным человеком, т.е. находящимся в состоянии кризис-ситуации. Его протест выражается в желании уйти из жизни, что по христианскому учению является тяжким, непростительным грехом, вызванным отчаянием, унынием и отвержением

Бога и его бесценного дара – жизни. В то же время отца Всеволода невозможно обвинить в слабости. На его долю выпало большое количество испытаний: смерть жены, борьба за сохранение храма, ложное обвинение в контрреволюционной деятельности, ссылка на Соловки, приобретенные там хронические заболевания. Все это выносил священник мужественно с надеждой на мудрость и милосердие Божие. Однако испытания военного времени чуть было не сломили его окончательно.

Встреча священника и молодой вдовы, произошедшая в сакральном храмовом пространстве у исповедального аналая, сближает персонажей и демонстрирует, что кризис-ситуация каждого из них достигает максимальной точки развития. Очевидно, что оба героя находятся в состоянии конфликта с действительностью, а точнее с Божественным Промыслом, обуславливающим трагические события их жизни.

Однако сделанный им совместный выбор – поселиться в квартире Елизаветы и стать одной семьей (священник проявляет желание заменить Лизе родного отца), – намечает путь к обновлению их внутреннего мира и освобождению от кризис-ситуации. Иными словами, потеряв семью, они вновь обретают ее после совершенного добровольного выбора. От духовной и физической гибели их спасает единение, взаимозабота и любовь друг к другу.

Наряду с этим в произведении возникает вторая выбор-ситуация, связанная с мотивом прощения. Сын священника Всеволода – Владимир – в прошлом отказывается от отца по идеологическим и карьерным убеждениям. Однако со временем к нему приходит понимание совершенной ошибки, что выражено в пришедшем с фронта письме. В нем молодой человек просит прощение за совершенное предательство и, сравнивая себя Евангельским блудным сыном, выражает надежду на воссоединение с близкими ему людьми. Реакция священника – слезы радости («Лиза подняла заплаканные глаза и увидела, что отец Всеволод тоже плачет, но при этом все лицо его светиться счастьем» [1, с.98]) – свидетельствует о реализации мотива прощения, определившим характер второй выбор-ситуации, которая наряду с первой способствовала преодолению кризиса и приходу обоих героев к благополучному финалу, где каждый обретает семью и гармоничные отношения с Богом и друг с другом.

В финале произведения возникает мотив чуда, который проявляется в неожиданном возвращении Владимира с фронта, несмотря на ранее пришедшие известие о его безвестном исчезновении. Эта трагическая

новость совершает странный переворот в душе отца Всеволода. В его облике появляется сила, уверенность, он твердо знает, что его сын жив и обязательно вернется. За страшным известием следует непрерывная трехдневная молитва о спасении сына, завершившаяся чудесным возвращением молодого человека, которое происходит в день снятия ленинградской блокады в январе 1944 года. В этом эпизоде возникают пасхальные мотивы: «Из храма все выходили в пасхальном настроении, казалось, еще не много – и в морозном январском воздухе зазвучит тропарь «Христос Воскресе из мертвых...» [1, с.103]. Появление этих мотивов в рассказе неслучайно. Пасха – главный праздник православных христиан, связанный с идеей победы Христа над смертью и последующим воскресением всех людей. Именно торжество жизни, милосердия, взаимопонимания и любви является главным итогом, к которому приходят герои рассказа. Заключительные слова, произнесенные отцом Всеволодом («Я ждал, сынок. Знал и верил» [1, с.103]) – свидетельствуют о реальности чуда, которое может сотворить Бог по молитвам искренне верующего человека. Под чудом в этом и других рассказах Николая Агафонова понимается не только счастливое стечение жизненных обстоятельств, но и пробуждение души человека, его внутреннее преображение, очищение, обретение смысла жизни, то есть освобождение от кризиса через соединения Высшей воли и свободного нравственного выбора человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов Николай, протоиерей. Отшельник поневоле: Рассказы. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
2. Каплан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением. <http://www.foma.ru/article/index.php?news=4080> Дата обращения: 28.08.2013 г.

ГЕОЛОГ ПЕРЕВОДИТ ПУШКИНА

*Бу Тхе Кхой – заслуженный учитель
Центр культуры и языка «Восток-Запад»*

К нам, вьетнамцам, Пушкин пришел на тысячу лет позже “Танши” (Đường thi) Ли Бо (Lí Bạch) и До Фу (Đỗ Phủ), и почти на столетие после французской романтической поэзии Гюго, Верлена, Бодлера... но в современном Вьетнаме нет иностранного поэта более известного и более любимого, чем Александр Сергеевич. Строки Пушкина лепечут малыши в детских садах, с широко раскрытыми глазами слушающие сказку про старого рыбака и золотую рыбку. Пушкина наизусть знают юноши и девушки, записывающие в дневники волнующие задушевные слова *Я вас любил*: Tôi yêu em, đến nay chừng có thể / Ngọn lửa tình chưa hẳn đã tàn phai... (Thúy Toàn dịch). Пушкиным восхищаются и старцы, в бессонную ночь шепчущие созвучные своей душе *Стихи, сочиненные ночью...*: “Chao, khó ngủ, không ánh đèn, im lặng / Bốn xung quanh là bóng tối nặng nề” (Thái Bá Tân dịch).

К страстным поклонникам звонкой русской национальной лиры принадлежит и геолог, председатель Палеонтологическо-стратиграфического общества, кандидат геологических наук, доцент Ханойского Государственного университета Та Ноа Фунг.

Я не знаю, когда впервые явилось Солнце русской поэзии вьетнамцу по фамилии Та: на студенческой ли скамье Геологического факультета Воронежского университета в центре России? Или на разведочных тропах в горах Алтая? Или же среди непроходимой тайги Сибири, когда он собирал материал для защиты своей научной диссертации в аспирантуре Новосибирского университета? Очевидно одно: пушкинская лирика так запала в душу Та Фыонга, так проникла в его ум, что в его собственном поэтическом творчестве нет-нет да и прорываются отголоски и образы русского поэта. Вот зачин стихотворения *Память об одной дороге*, сочиненного в провинции Куанг Бинь зимой 2003-го года и посвященного другу Чан Нги и группе авторов проекта по изучению пещер заповедника Фонг Ня - Ке Банг:

Không làn sương gợn sóng / Không ánh trăng mượt mà

(Нет волнистых туманов / Нет и бархатного света луны)

Как видите: Та Фыонг как бы спорит со своим любимым поэтом:

Сквозь волнистые туманы

Пробирается луна...

Другая же строфа начинается почти точной цитатой из *Зимней дороги* Пушкина:

“Không nhà tranh, ánh lửa”
 (“Ни огня, ни черной хаты”)

А в конце вьетнамский геолог прямо указывает на источник своих поэтических ассоциаций:

Đêm nay sao nhớ vậy/Một Con đường mùa đông?
(Отчего же нынешней ночью/ Так вспоминается иная *Зимняя дорога*?)

Но удивительнее всего то, что пушкинские стихи так органически вплетаются в ткань художественных образов произведения вьетнамского поэта, что не укажи Та Фыонг на источник своих ассоциаций, неискушенный в русской поэзии вьетнамский читатель воспринимает их как совсем оригинальные поэтические образы вьетнамского поэта. Перед взором читателя встает картина не бескрайней русской степи под луной в прошлом веке, а совершенно нашей, вьетнамской, современной ночной дороги сквозь глухие джунгли:

Không làn sương gợn song/Không ánh trăng mượt mà/Bóng tối trùm quanh ta/Dậm dậm buồn man mác

(Нет волнистых туманов/ Нет и бархатного света луны/ Одна лишь тьма вокруг нас/ Да печали версты, версты)

Послушайте дальше:

Không nhà tranh, ánh lửa/Đường băng cánh rừng hoang/Không hàng hàng cột số/Lấp lánh đèn phản quang

(Ни соломенной хаты, ни огня/ Сквозь глухие джунгли бежит дорога/ Нет и верст полосатых/ Нет и отблесков светоотражающих столбов)

Вполне естественно, что Та Фыонг переводит Пушкина. И, наверное, уже давно... Однако имя Та Фыонга-переводчика стало известно широким кругам вьетнамских почитателей русской поэзии несколько позже его имени как оригинального стихотворца. Уже один этот факт свидетельствует о том, насколько серьезно и ответственно относится он к такому специфическому виду художественного творчества, как поэтический перевод, для которого одного поэтического таланта недостаточно: необходимы еще глубокие знания по языку и культурному фону оригинала. Этим, может быть, объясняется несколько «замедленное

становление» Та Фыонга как поэта-переводчика – только с 1999-го года, когда он завоевал Первый приз на конкурсе переводов стихотворения А.С. Пушкина *Цветок*, организованном совместно Центром языка и культуры Восток – Запад и Советом по переводу Союза вьетнамских писателей в связи с 200-летием великого русского поэта. Вот этот премированный перевод:

Bông hoa nhỏ

Nhìn bông hoa nhỏ héo tàn
 Trong trang sách mở - lòng man mác sầu...
 Nở khi nào? Ở nơi đâu?
 Bàn tay ai hái? Tươi màu bao lăm?

Đem hoa vùi giữa trang văn,
 Người ơi, để kỷ niệm lần gặp nhau,
 Hay ngày li biệt buồn đau,
 Người đi, lút bóng rừng sâu, cánh đồng?

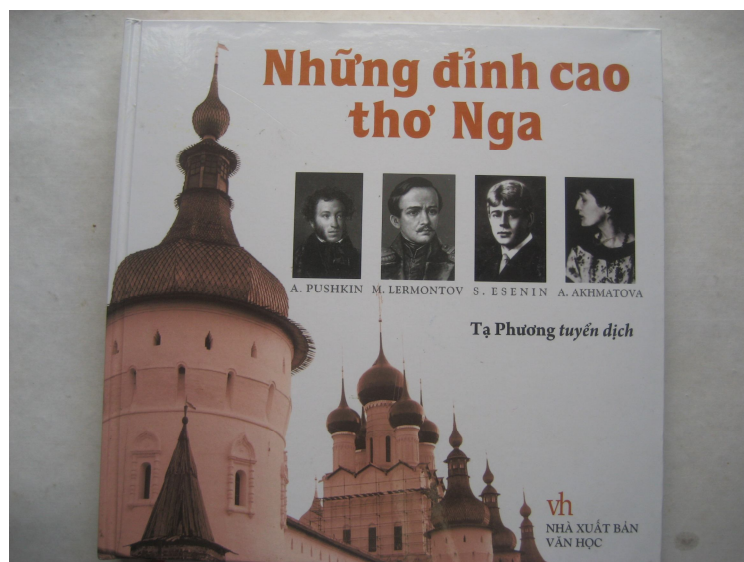
Người và người ấy còn không?
 Cùng nhau xây tổ ấm nồng nơi đâu?
 Hay như hoa – đã từ lâu,
 Cánh rời rạc úa, sắc màu phai pha?²

Очевидно, успех укрепил уверенность ученого геолога на новом поприще – поэтическом переводе: тогда же Та Фыонг представил с десятка своих переводов лирики великого русского поэта Редакционной коллегии первого во Вьетнаме 5-ти томного, юбилейного Собрания сочинений А.С. Пушкина. Среди них весьма удачные переводы (кстати, впервые на вьетнамском языке) таких шедевров Пушкина, как *Признание* и *Бесы*. А некоторое время спустя Та Фыонг уже принес автору этих строк девяносто переведенных стихотворений из лирики Пушкина, Лермонтова и Есенина. Ясно: увлекся новым трудом наш ученый геолог!

Но поэтический перевод - тяжкий труд. Ведь это «высокое искусство», как именовал его известный теоретик и критик художественного перевода Корней Чуковский, которого уже многие

² Заинтересованный читатель может сравнить приведенный перевод с проанализированным мной на страницах Вьетнамской русистики (Выпуск VIII, за 1998 год) переводом Nguyễn Minh Đức.

поколения маленьких вьетнамских читателей знают по прекрасному переводу *Доктора Айболит*. Всякое истинное искусство требует не только увлечения, но и упорного, прилежного труда. Со дня появления на переводческой арене имени Та Фьонга как поэта-переводчика прошло больше десяти лет, прежде чем вышел в издательстве “Художественная литература” сборник *Вершины русской поэзии* с более полутора ста переводами из лирики А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина и А. Ахматовой.

Честно говоря, не все переводы Та Фьонга мне кажутся удачными. Но разве такой маститый переводчик лирики Пушкина как Thúy Toàn добился успеха во всех случаях? Главное, нашим ученым геологом овладело настоящее увлечение русской поэзией, и я уверен, что он будет вновь и вновь возвращаться к своим переводам и добиваться их совершенства. Как, например, в работе над переводом емкого по философскому смыслу маленького стихотворения *Воды глубокие*, сочиненного великим Пушкиным не задолго до своей трагической гибели:

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут

Nước dưới sâu
Chảy êm nhẹ
Người uyên thâm
Sống lặng lẽ

CẢM XÚC NGÀY TRỞ LẠI

**TS. Đặng Thị Sâm – Cựu Giảng viên
ĐHNN - ĐHQG Hà Nội**

Giữa tháng 5/2001 tôi được khoa Nga và trường cử đi đọc sách để nâng cao kiến thức và tìm mua giáo trình, tài liệu giảng dạy tiếng Nga cho khoa, vì sau năm 1989 khoa Nga không có thêm tài liệu mới nào nữa. Tài liệu mà khoa Nga đang sử dụng thời gian đó đều đã cũ và không còn phù hợp với thực tế của nước Nga sau giai đoạn cải tổ nữa. Lúc đó, tôi đang dạy môn Thực hành tiếng cho sinh viên năm cuối. Vì vậy, nhu cầu về giáo trình thực hành tiếng Nga ở giai đoạn nâng cao kỹ năng càng trở nên cần thiết. Tôi may mắn được nhà trường chi tiền vé và tiền mua tài liệu, còn tiền học và sinh hoạt phí thì phải tự mình bỏ ra. Như thế đối với tôi cũng đã là tốt lắm rồi, vì lần cuối cùng tôi từ nước Nga trở về là vào đầu năm 1991, sau nửa năm làm công tác phiên dịch các bộ môn Triết học, Kinh tế- Chính trị học, Chủ nghĩa cộng sản khoa học cho giáo viên dạy các bộ môn này ở các trường đại học của Việt Nam. Họ được nhà nước gửi sang trường đại học tổng hợp mang tên Lômonôxốp ở Mátxcova- LB Nga để nâng cao kiến thức.

Sau đúng 10 năm 4 tháng tôi mới được quay trở lại nước Nga. Sáng sớm, trên đường từ sân bay Sheremechevô về viện tiếng Nga, nhà số 6 trên phố Vôlgina, ngồi trong ô tô, tôi cứ ngắm hoài quang cảnh hai bên đường mà lòng cảm thấy bồi hồi xúc động biết bao. Thiên nhiên tuyệt vời của nước Nga lại trở thành nguồn cảm hứng để có những bài thơ miêu tả bốn mùa qua con mắt của một người con đất Việt được đi học ở Nga.

Em về thành phố nơi anh học
Tiết cuối xuân, hương sắc ngát ngào
Thành phố chìm trong màu xanh mát
Bình minh chim hót, gió lao xao.
Mười năm rồi mới quay trở lại
Cảnh xưa, người mới vẫn mặn mà
Thành phố thanh bình thân thương quá
Vĩ đại, tự cường lắm nước Nga.

Về đây được thờ không khí Nga
Và lại tư duy bằng tiếng Nga
Đắm mình trong màn sương se lạnh
Thả hồn bay trên Mạc-tư-khoa.

(tháng 5/2001)

Ở Mátxcova, tháng sáu là thời điểm các hạt trong những bông hoa của cây dương lại nở bung, và những sợi trắng, mảnh như bông bay tứ tung khắp nơi, khiến người ta liên tưởng đến những bông tuyết rơi giữa mùa hè.

Giật mình tưởng tuyết rơi

Giữa mùa hè rực rỡ

Hoa bông bay phơi phới

Ta đi như trong mơ

(tháng 6/2001)

Thời gian làm nghiên cứu sinh ở viện tiếng Nga Quốc gia mang tên A.X. Pushkin (2001– 2005) trôi qua rất nhanh, vì ngoài việc học, đọc sách, tìm tài liệu để làm đề tài bảo vệ, tôi vẫn phải đi làm thêm, dạy thêm rất nhiều mới đủ tiền trang trải cho cuộc sống của hai mẹ con, vì con gái tôi cũng học hệ cử nhân chuyên ngành Ngữ văn ở Viện

Có lẽ mình là người khá nhạy cảm, nên mỗi khi mùa thu nước Nga về, quang cảnh thiên nhiên tác động rõ rệt tới tâm tư.

Lại một mùa lá rụng

Để cho mùa đông sang

Lối đi quen, lạ ấy

Giờ đây trải thảm vàng

Phố xá trong sương lạnh

Người đi trong trầm tư

Với nỗi niềm canh cánh

Mặc con tàu lắc lư.

Ngày lại ngày nối nhau

Mọi thứ theo dòng chảy

Duy một điều đau đáu

Bao giờ gặp lại nhau.

Thu về cây trút lá

Nhựa cây lại thu mình

Trong vỏ dày sương giá

Để đợi mùa Xuân sang.

(tháng 9/2002)

Mùa đông ở Nga có thể nói là đẹp tuyệt vời. Mỗi khi tuyết rơi, mọi thứ đổi với tôi trở nên vô cùng thú vị. Những bông tuyết trắng xốp rơi xuống làm cho mọi cảnh vật trở nên tinh khiết lạ thường. Cảm giác buồn man mác lại xâm chiếm tâm hồn.

Tuyết rơi rồi ai có biết không?

Về sớm quá tuyết đầu mùa trắng xốp.

Vẫn vơ bay cuối chiều thu như mộng

Bắt đầu rồi cái giá lạnh mùa đông.

(tháng 10/2002)

Sau một đêm thức dậy
Tuyết phủ khắp phố phường
Mùa đông Nga là vậy
Vẫn nét buồn thân thương
 Cây khô trong băng giá
 Im lìm dưới trời Đông
 Trên những cành trụi lá
 Tuyết nằm trắng tựa bông.
Người bước đi dưới tuyết
Thanh thân ngấm tuyết rơi
Hít thở hương thanh khiết
Miền nước Nga xa vời.

(tháng 12/2002)

**CA TỪ TÌNH CA “TÌNH YÊU CỦA KẺ CHẾT”
(ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА) BẰNG TIẾNG VIỆT**

GV. Nguyễn Đức Trường – Phân viện Puskin

Tựa đề trên chắc là lạ lắm đối với nhiều người. Tôi xin cho biết ngay: đây là bản dịch ra tiếng Việt bài thơ “Tình yêu của kẻ chết” của nhà thơ Nga Lermôntôv M.Yu. được nhà soạn nhạc Nga Traicôvxki P.I. phổ nhạc dưới hình thức tình ca (romance) năm 1878.

Đã có một số người Việt dịch bài thơ này ra tiếng Việt dưới dạng thơ. Họ đã dựa vào đặc điểm của tiếng Việt, sử dụng các thủ pháp thơ tiếng Việt để chuyển tải tư tưởng, tình cảm của tác giả và họ đã làm được điều này.

Tôi thấy bài thơ “Tình yêu của kẻ chết” của Lermôntôv thật hay khi đọc nguyên bản, cũng như khi đọc các bản dịch. Bài thơ đầy kịch tính. Kịch tính của bài thơ càng mạnh mẽ hơn trong âm nhạc của Traicôvxki và qua sự trình bày của giọng nữ cao L. Cazarnôvxkaia. Và tôi đã chuyển sang tiếng Việt ca từ bản tình ca này với mong muốn một ngày nào đó người Việt được thưởng thức bản tình ca này bằng tiếng Việt để thêm một lần chiêm ngưỡng tài năng của nhà soạn nhạc thiên tài Traicôvxki và cảm nhận sâu hơn tính cách dữ dội mà lãng mạn của nhà thơ vĩ đại Lermôntôv.

Ca từ trong các tác phẩm âm nhạc Nga là những bài thơ vì vậy bài thơ “Tình yêu của kẻ chết” không bị thay đổi khi trở thành ca từ trong bản tình ca của Traicôvxki, chỉ có một phần nhỏ không được đưa vào do khuôn khổ của bản nhạc.

Khi chuyển ca từ-bài thơ sang tiếng Việt tôi tuân theo nguyên tắc đảm bảo lời Việt phù hợp với cao độ của nốt nhạc, nhưng không làm sai lệch ý thơ. Điều này thật là khó ở những phần giai điệu phát triển theo những nốt cùng cao độ vì tiếng Việt nhiều thanh điệu và vì tiếng Nga và tiếng Việt hoàn toàn khác nhau nên bản dịch ca từ không giữ được hình thức thơ của nguyên bản.

Theo nguyên tắc, một bản tình ca (romance), ngoài phần giai điệu, phải có phần đệm piano. Do chủ đích giới thiệu bản dịch tiếng Việt nên tôi chỉ đưa phần giai điệu đã đổi khóa nhạc (từ khóa Fa sang khóa Sol) để bạn đọc nào có hứng thú phần nhạc dễ tiếp cận.

Tôi cũng xin thông tin thêm đôi điều về nhà thơ Lermôntôv. Nhà thơ được công nhận có năng khiếu về âm nhạc và các tác phẩm của ông có tính nhạc cao. Chính vì vậy dựa trên các tác phẩm của ông nhiều tác phẩm âm nhạc, sân khấu được ra đời với nhiều thể loại (opera, bale, giao hưởng, sáng tác dành cho piano, hợp xướng, romance, ca khúc). Tính cho đến nay đã có hơn 2500 sáng tác và cuộc đời của thơ Lermôntôv trong âm nhạc đã được hơn một thế kỷ rưỡi.

Nhân đây tôi xin mạnh dạn giới thiệu một bài hát với ca từ cũng là bài thơ “Tình yêu của kẻ chết” qua bản dịch của dịch giả Đức Mẫn. Mong rằng bạn đọc không đánh giá là thiếu khiêm tốn khi đăng sáng tác của mình cùng sáng tác của Traicôvxki.

Rất mong nhận được ý kiến đóng góp.

Tình yêu của kẻ chết

Nhạc: Nguyễn Đức Trường

Lời : thơ Lermôntôp M.Iu

qua bản dịch của dịch giả Đức Mẫn

Em à, thân dù chôn đất lạnh kia mấy tầng,

em à, thân dù chôn ba thước kia đất lạnh, ngày

đêm linh hồn vẫn cận kề bên em, ngày đêm linh hồn

vẫn bên em cận kề. Dù mồ yên thân yên (mà) xuôi

tay đời phó mặc, dù lửa xa dương gian (mà) hình em không thấy nữa,

mãi mãi đậm trong anh mặn nồng tình chúng mình. Chỉ cần làn hơi

ai (mà) bên má em lướt nhẹ, chỉ cần trong đêm mơ tên ai kia thoáng gọn môi

em, em có hay chăng em, rực lửa hồn tim anh, đó em.

Em có hay chăng em, rực lửa hồn tim anh, em hỏi.

Tình yêu của kẻ chết

(romance)

Nhạc: P.I.Traicôpxki

Lời: M.Iu.Lermôntôv

(qua bản dịch của Nguyễn Đức Trường)

Andante non tanto

mf

Cứ cho, cứ

8 cho đất lạnh thăm sâu kia vùi kín thân tôi. Bạn

13 *cresc.* *ff* đời! Tâm tôi, tâm tôi luôn sát bên em, biết chăng,

17 hồi người yêu! Từng lúc, từng nơi linh hồn luôn sát bên

22 *Piu mosso* em. Nơi đây, nơi xung quanh tôi bao năm mờ, miền đất lãng

27 quên, nhưng tôi không sao quên em với mỗi tình đây những đón

32 đau. Khi già từ dương gian không âu lo trong giây phút xót

37 *cresc.* xa, tôi mong hân hoan khi chia xa, nhưng sao không thấy đôi thay.

2

Tình yêu của kẻ chết

43 *ff* Tempo I

Anh hào quang thần quyền và thiên đường chẳng làm tôi động

47

tâm. Những đam mê trần tục từ đời thường tôi đem xuống theo

52 *Piu mosso p con tenerezza*

mình. Khắp nơi tôi chỉ nâng niu mỗi một điều mơ ước từ

57

lâu. Khát khao, lệ tràn, ghen tức với giận hờn vẫn như ngày

62 *cresc. poco a poco*

xưa. Một khi hơi ai môn man đôi má em, em biết chăng

67

em, tim anh, trong cơn đau căm, không nói được, đau xót run

72

lên. Trong cơn mơ, khi không tên ai xa xôi môi em nhẹ thốt,

78 *ff*

em hỡi, bùng bùng lửa thiêu đốt thân anh - lời em đốt

83 *rit.* *mf* Tempo I

anh. Cứ cho, cứ

90 cho đất lạnh thăm sâu kia vùi kín thân tôi. Bạn

95 *cresc.* *ff*

đời! Tâm tôi, tâm tôi luôn sát bên em, biết chăng,

99 *dim* *p*

hỡi người yêu! Từng lúc, từng nơi tâm tôi luôn luôn cận

105

kê bên em.